

Когда горят мосты

Антон Боровицкий

Содержание

«Добро пожаловать в Музей Истории — место, где прошлое встречается с настоящим».

Танька вздохнула. Огромный экран, конечно, внушал, и Госпожа Президент на нём как живая, но говорит... такое себе.

«Единство спасало нас в тёмные времена, принесённые победы, навеки вписанные в мировую историю. Сила Державы в её народе. Его сплочённости, стойкости и преданности общему делу».

Танька закатила глаза. Кто так с людьми общается, что за ужас!

— Всем привет! — она обвела смартфоном внушительных размеров вестибюль. — В общем, на прошлой неделе я обещала сюрприз. А Заноза не балаболка: сказала — сделает. Вот я и сделала: прокатнулась зайцем до любимой столицы Стойкого, где находится что? Правильно, новенький, свеженький Музей Истории.

В ответ прилетела пара лайков. Чатику зашло.

— Скажете, скучно? А вот и нет! Во-первых, патриот историю знать обязан. А во-вторых, давайте-ка глянем, на что столько денег утروهали.

Прищурившись, она наклонилась ближе к камере.

— И если разворовали...

Грозно погрозив объективу, Танька прошла к ведущей на первый этаж мраморной лестнице. Красиво, не придраться. А эти статуи по бокам...

Отпустив пару шуточек, она выключила вступительный стрим и пробежалась глазами по статистике. Счёт подписчиков шёл уже на тысячи. Заноза вирусилась.

— Кира-а! Подожди-и!

Посторонившись, она уставилась на модную парочку: парня в дорогом костюме и семенящую следом девицу в мини-юбке, балансирующую на высоченных каблуках.

— Оу, патриотка! — заметив на Танькиной щеке флажок, парень приспустил солнцезащитные очки. — «Страна одна, страна родная»? Молодец, такие нам нужны.

Танька не ответила, состроив гримаску. Парень мажористый, но явно не дурак. А лицо знакомое. Будто где-то уже встречались.

— Кира!

— Любимая, ну где же ты? Идём скорее навстречу истории! — Не оглядываясь, парень уверенно взлетел по ступенькам.

— Ну Кира-а! — отчаянно перебирая ногами, девица последовала за ним. Как бы не грохнулась, на таких-то каблуках!

Дождавшись, пока парочка скроется из виду, Танька сделала селфи на фоне говорящей Госпожи Президента.

Получилось неплохо. Пожалуй, можно подниматься.

Предчувствия обманули: Музей оказался на высоте. Полы из шлифованного гранита, вышколенные гиды, удобные электронные табло, мгновенно выдающие нужные справки.

Осмотревшись, Танька подошла к экспозиции и включила запись, благо правила разрешали.

— Первый этаж — про Войну Объединения, — стараясь не шуметь, начала она. — Когда Готландия напала, а наши княжества собрались в Державу, навалили врагам, а потом присоединили.

Танька перевела объектив на экспозицию. Солдаты в чулках и смешных треуголках вскинули ружья, целясь в приближавшуюся конницу.

— Папуля, прости, — она послала камере воздушный поцелуй. — Но мы вас тогда уделали!

Инженер-наладчик Генрих Людвигович, великан готландец и добрейшей души человек, историей не интересовался, а дочке прощал и не такое. Танька представила, как он улыбается и грозит пальцем: «Ох, дошутись!»

И вспомнился некстати прилетевший на днях комментарий:

«Гады они, твои готландцы. Спят и видят, как в Унию сбежать».

Жёстко пристыдив товарища, Танька вклеила ему бан. И заодно напомнила остальным: Держава с Готландией — «Северные сёстры». Поодиночке сожрут.

Пройдя ещё, она задержалась у портрета напавшего тогда Германа-Завоевателя. Высокий статный мужчина грозно взирал на посетителей, положив руку на эфес висящей на поясе шпаги.

— Что, дядь, не фартануло? — подмигнула ему Заноза. — А вот так, знай наших. И уняки с колдырями пусть помнят.

«Колдыри». Новое слово, но точное. А как ещё этих, из Независимых Колоний, называть? Сидят в своём Вестгейте, топят за демократию и бомбят всех, кто не нравится. Унийцы не лучше. Когда Западный Рим сдох, они кору ели и друг друга грызли. Потом сшили кое-как королевства, объединились и выползли. Великие, блин, цивилизаторы.

Первый этаж был огромен. Тут тебе и карты, и портреты, и оружие с мундирами, и даже макет сражения за Белую Реку, где генерал Соколовский наголову разгромил готландцев. Протискиваясь через посетителей, Танька щебетала без умолку, старательно снимая всё, что только можно. Интересно, справится флешка? Должна. Не зря ведь дорогую унийскую покупала, а то на каракташские надежды нет.

Увлечшись записью, она задела кого-то плечом.

— Извините!

— А-а, вот ты где, — улыбнулся незнакомец, крепкий мужчина лет тридцати в модной кожаной куртке. — Ну, здравствуй, блогер Татьяна. Ты как раз вовремя.

Он мотнул подбородком в сторону. Опешив, Танька оглянулась.

У стены стоял волонтерский стенд камуфляжной расцветки. «Соратники». Хорошие ребята, патриоты.

— А откуда вы меня...

Она недоговорила: Незнакомец исчез. Повертев головой, Танька пожала плечами. Клоун какой-то.

— Привет! — подойдя к стенду, поздоровалась она.

— О-о, «Державники», — заметив флажок, улыбнулся парень лет двадцати пяти. — Какими судьбами?

— Да вот, контент записываю, — скромно сообщила Танька. — Про историю и победы наши. Я Таня, Рёмер. Блог веду.

— Заноза? Да неужто! — воскликнула сидящая рядом девушка. — А я смотрю — ты, не ты? Молодец, мы все тебя лайкаем! Я, кстати, Аня, а это Фридрих. Очень приятно!

От неожиданной похвалы Танька зарделась. Опустив глаза, увидела на столе прозрачный ящик для пожертвований.

Торопливо порывшись в кармане, она вытащила мятые сто марок. Больше нет, и так осталась без обеда. Но по-другому разве можно?

— Да брось, — отмахнулся парень. — Ты и так помогаешь. Спасибо!

Не слушая, Танька упрямо просунула в щель купюру.

— ...А что у нас тут? — раздался за спиной чей-то голос.

К стенду неторопливо подрулил мажор. Танька поморщилась. Принесла же нелёгкая!

— Сбор средств на армию. — Мажор повернулся к снимающей на телефон девице. — Дело большое, ребятам надо помочь. Возьмите.

Достав из кошелька пачку купюр, он с трудом просунул её в ящик.

— Не жалко? — смерив его взглядом, неприязненно поинтересовался Фридрих. — Последнее-то отдавать?

— Ты что такое говоришь! — вскинулась Аня. — Простите его...

— Не надо меня прощать! — отрезал Фридрих. — Это ж Кирюша Фёдоров. Золотая молодёжь!

— Фридрих!

— А что «Фридрих»?! — взорвался парень. — Ходит тут, деньгами сорит. Благодетель.

Кирилл Фёдоров, ну конечно! Сын Валерия Фёдорова, бизнесмена, политика и большого патриота. Хозяин папиного завода, спонсор «Державных», а уж для армии сколько сделал — не перечить. Сынок же всё больше мелькает в светской хронике. В рубрике «Скандалы».

Ох, сейчас начнётся...

— Я понимаю. — Вопреки ожиданиям, мажор смиренно выслушал тираду. — Думаете — где я и где война. Я и правда не служил: плоскостопие.

— Верю, — фыркнул Фридрих. — Ты съёмки-то заканчивай и ступай подобру-поздорову. Или думаешь, я твоего папу испугаюсь?

— Я, между прочим, от чистого сердца... — Покачав головой, мажор вздохнул. — А снимаю, чтобы без монтажа. Чтобы не говорили, будто неудобное вырезал.

— И вообще, почему он обязательно врёт? — вступилась за него Танька. — Что он, не человек?

— Да ты посмотри на него, — не унимался Фридрих. — Думаешь, его волнует? Он же деньгами откупается!

— Отца волнует, а его нет? — Танька вспыхнула. — Человек пришёл помочь, а ты ведёшь себя, как... хам!

— Спокойно, — поднял ладонь мажор. — Не будем скандалить.

Его взгляд задержался на Фридрихе. Тот не отвёл глаз — смотрел твёрдо, не мигая, словно вызов бросал.

Помедлив, мажор вежливо улыбнулся:

— Я, пожалуй, пойду. Спасибо вам, ребята. Простите, если что не так.

Он больше не казался мерзким, наоборот. А что манерный — так куда деваться? Все они такие.

— Шут гороховый, — проводив его взглядом, хмыкнул Фридрих.

— Нельзя книгу по обложке судить, — уела в ответ Танька. — В конце концов, все мы в одной лодке.

— В одной лодке, говоришь? — процедил Фридрих. — Это у нас с тобой лодка. А у него — яхта.

— Завидовать нехорошо, — фыркнула Танька. — Чужому успеху.

— Да ты... — Глаза Фридриха налились бешенством, он привстал. — Ты как...

— Что, девочку ударишь? — Заноза прищурилась. — Ну, давай, герой!

— Тань, ты чего? — укоризненно вмешалась Аня. — Кто *таким* завидовать будет? А Фридриха прости, контуженный он. С парнями в засаду попал, чудом в живых остался.

Пунцовый Фридрих тяжело дышал, покрывшись испариной.

Точь-в-точь как дядя Аким.

— Фрид, не надо.

Аня тихонько положила руку ему на плечо. Дёрнувшись, парень осел, уткнувшись в ладони перекошенным лицом.

Злость отпустила, осталась лишь жалость. Человек с войны вернулся, а она...

Вздохнув, Танька бросила взгляд на ящик. Толстая пачка купюр надёжно погребла под собой мятую сотку.

Второй этаж посвятили операциям «Южный ветер» и «Бастион», вернувшим Пролив и Рубежье в состав КОРДОНа — союза, основанного на Договоре о коллективной обороне, разведке, дипломатии, образовании и науке.

Танька давно мечтала сюда попасть. Не уставая снимать, она бродила по уставленным военной техникой залам. Оружие, экипировка, реконструкция боёв. Класс! Ради этого стоило сутки трястись на электричках!

Особенно понравилась экспозиция «Нелёгкое решение».

Восковая копия Госпожи Президента склонилась над картами, раздумывая о начале операции в Проливе. Сухонькая, седая, но железная тётка. После распада Рабочих Республик навела в Державе порядок, а потом, выиграв Стодневную войну, вернула Готландию, заодно основав КОРДОН.

Говорят, всю кампанию она провела в Генштабе. И армию по первому разряду обеспечила, даже в те нищие времена.

— Мы не звери, мы не хотели, — поясняла, снимая, Танька. — Там людей притесняли, язык наш запрещали. Памятники сносили.

— А памятник Заречному и в Новогорске убрали, — бросил, проходя мимо, Незнакомец. — С центральной площади — в музей на окраине. Как же так? Он ведь Республики основал!

Откуда он знает, что она из Новогорска? Он что, за ней следит?!

— А ну, стойте!

Сорвавшись с места, Танька бросилась догонять. Свернула за угол — и замерла.

Незнакомец испарился.

Лишь в углу, возле интерактивного экрана одиноко плакала пожилая женщина.

— Простите, вы не видели?.. — недоумённо оглядевшись, вежливо обратилась к ней Танька.

— Юра, Юрочка. — Всклипнув, женщина провела пальцами по экрану. Под строкой поиска виднелась фотография молодого солдата. «Юрий Вадимович Грошев. 06.07.2006 — 08.09.2025».

Это же данные из архива. А Юрий, выходит, пал смертью храбрых.

— Не плачьте, — замешкавшись, Танька сочувственно взяла женщину за руку. И вовсе она не пожилая, просто седая и... сломленная. Словно надорвалась под тяжким, неподъёмным грузом.

Замолчав, женщина перевела взгляд на Таньку. На её лице мелькнула грустная улыбка.

— Спасибо, девочка. Сколько стою, никто даже не подошёл.

— Всё будет хорошо, — протянула Танька, чувствуя, что нужно поддержать. — Ваш сын герой. Он погиб за правое дело.

Вздвогнув, женщина высвободила руку. Словно обожглась.

— Дело, может, и правое, только похоронили его в закрытом гробу. И остались от Юры фотография да президентская медаль.

«Президентская медаль»... Как она пренебрежительно, будто не награда, а побрякушка!

— Но ведь он погиб за страну! — Танька понимала, что закипает, но отчаянно старалась держать себя в руках. У человека горе, надо объяснить, достучаться, и тогда ей станет легче!

— Я и не знаю, за что он погиб, — устало ответила женщина. — Иногда думаю — зачем нам тот Пролив? Жили себе и жили, летом в Зеленоморске с Юрой отдыхали...

Танька нахмурилась. Сдерживаться становилось всё труднее.

— Не сражайся он, мы бы всё потеряли! Вы этого хотите? Чтобы нас похоронили?

— А ты хоть что-то в жизни теряла? — В голосе женщины сквозила смертная тоска. — Кого ты хоронила, девочка?

Никого она не хоронила, но разве это важно? Дядя Аким что, чужой?

— Думаете, мне не жалко?! — Таньку задело за живое. — Думаете, радуюсь, что ваш Юра погиб? Но нет у нас выбора, понимаете? Вы должны...

— Что — должна? — вскинулась женщина. — Смириться? Не чувствовать? Принять, что сын погиб неизвестно за что?

— Вы... вы... — Дыхание перехватило, Танька вспыхнула.

«Не надо! Не смей!»

Но злые слова сами рвались из груди:

— Вы просто предательница! В Юру своего сейчас плюете! Могилу его топчете. «Мир любой ценой», да?!

В Таньке бушевала злость. Дядя Аким, Юра, несчастная мать... А как же страна? Долг?

Но грыз, грыз изнутри противный червячок. Словно кто-то невидимый напёптывал: «А если она права?»

Танька стиснула зубы. Нельзя так думать. Юра герой, и погиб он не зря!

Взгляд случайно упал на экран. Что-то там изменилось, выпадая из привычной картины. Присмотревшись, Танька похолодела. Юра исчез. С экрана, одетый в военную форму смотрел теперь... старший брат Артём!

Сердце ухнуло в пятки. Ошибка? Глюк? Она поморгала, пытаясь стряхнуть наваждение. Артём не исчезал. И в строке его имя. И дата рождения верная.

Стало страшно, дурно. А если правда, что тогда? Тоже медаль и похоронка?

«Нет!» — она упрямо мотнула головой. — «Этого не может быть!»

Экран зарябил, словно от сбоя. «Юрий Вадимович Грошев»... «Артём Генрихович Рёмер»...

«Юрий»... «Артём»...

Снова «Юрий»...

Имена дрожали и путались, словно борясь. Казалось, компьютер не мог определиться.

В висках заломило, мир разъехался, теряя очертания. Охнув, Танька согнулась, на секунду утратив равновесие.

Перед глазами поплыли мутные силуэты. Кто-то резко схватил за руку, холодный металл часов царапнул кожу. Танька дёрнулась фокусируясь. Перед ней с озабоченным лицом стоял Кирилл Фёдоров.

— Что такое? Тебе плохо? Дорогая, хватит снимать, дай водички.

Не переставая записывать, девица ловко выудила из сумочки бутылку. Отпив, Танька понемногу пришла в себя.

— Простите, — мучаясь диким, невероятным стыдом обратилась она к женщине. — Я не хотела.

— Она правда не хотела! — проникновенно подтвердил Кирилл. — Я невольно подслушал. Мы все скорбим, это тяжёлый момент. Если могу чем-то помочь...

Женщина не ответила, молча взирая на мажора. Точнее, сквозь него. Словно не замечала.

— Я понимаю, каково вам, — пытаюсь замять паузу, продолжил тот, — и не смею навязываться. Но позвольте хотя бы утешить.

Шагнув к женщине, он попытался её обнять. Девица повела за ним телефоном.

— Отойди. — Поморщившись, женщина отстранилась.

— Что, простите? — Кирилл удивлённо вскинул брови.

— Дай пройти. ДАЙ МНЕ ПРОЙТИ! — Истошный, отчаянный крик вспорол тишину. Танька дёрнулась.

— Конечно, само собой. — Мажор торопливо отступил в сторону. Скривив губы, посторонилась и девица.

Женщина пошла, точнее, побрела — тяжело, невидяще, безнадёжно. Дойдя до выхода, обернулась.

— Я тебя прощаю, — сказала она Таньке. — Ты хорошая, просто... заблудшая. А этот, — она пренебрежительно мотнула подбородком, — дым. Пустое место. И не жалко ему никого.

Смерив Кирилла взглядом, женщина ушла. В воздухе сгустилось молчание.

— Пу-пу-пуууу, — надув щёки, мажор шумно выпустил воздух. — Однако!

Взглянув на время, он деловито чиркнул пальцами по горлу:

— Пошли перекусим.

Убрав телефон, девица покорно кинулась следом. А как же съёмка без монтажа? Получается, «сратникам» он наврал?

«А сама-то! Устроила тут... Между прочим, он тебе помог!»

«На камеру!»

«И пусть! Зато потерявшей сына матери не хамил».

Настроение испортилось окончательно. Поняв, что со вторым этажом пора завязывать, Танька уныло двинулась к лестнице.

— Поднялись на третий, — она медленно обвела вокруг телефоном. — Тут, понятно, про оккупацию. Когда к нам Инициатива в гости наведальась.

Танька шагала вдоль стендов, фиксируя экспозиции. Интерактивная карта — жирные стрелы вторжения, пробивающие западные границы. Следом фотографии: военные колонны, руины городов, сожжённые посёлки. Рядом — табличка с краткой предысторией:

1948: Основание Великой Унией и Независимыми Колониями «Свободной Инициативы» для борьбы с «инженерной угрозой».

1949: Готландский мятеж. Выход западных областей из состава Рабочих Республик.

1950: Вторжение Инициативы под предлогом защиты демократии. Оккупация западного Пролива и Рубежья.

— От инженеров освобождали, как же, — процедила Танька. — Фашисты. Всегда нас ненавидели.

Она двинулась дальше, с ненавистью оглядывая экспонаты.

Заголовок Унийской газеты 1950 года: «Свободная Инициатива принесла мир и демократию!»
Фото: Офицеры в белых перчатках принимают цветы от сияющих девушек Рубежья.

«Расстрел военнопленных». Тоже Рубежье, тоже 1950. Солдаты с автоматами целятся в понурых, сгрудившихся на краю рва людей.

И следом: «Концентрационный лагерь». Пролив, 1951. Изнурённые пленники за колючей проволокой. Во взглядах — мольба и безнадежность.

Танька молчала.

Пальцы сжались в кулак.

Пройдя ещё, она остановилась у фигуры офицера Инициативы. Сапоги начищены до блеска, фуражка сидит идеально ровно. В руках — стек, поддевающий за подбородок стоящего на коленях мужчину с голубой партизанской повязкой.

Сердце заколотилось. Как хорошо, что наши тогда победили!

— Теперь ходят белые и пушистые, — процедила она в телефон. — Ребрендинг провели: мы теперь «Эгида»! За права, за свободу. Сволочи...

Она вдруг поняла, что за спиной кто-то стоит. Замерев, Танька резко обернулась, узрев перед собой подкравшегося Незнакомца.

— Привет, Заноза. Идём, что покажу!

Загадочно улыбнувшись, он поманил Таньку за собой. Поколебавшись, она гневно бросилась за ним.

Нужно разобраться, что за фокусы. Ещё и пугать вздумал!

Телефон тренькнул звуком сообщения. На секунду отвлѣкшись, Танька увидела, что Незнакомец пропал. Куда он мог деться? Может, в этот зал?

Заскочив внутрь, она воинственно оглянулась. Затемнённое строгое пространство. Обитые чѣрным бархатом стены, мягко поблѣскивающие в полумраке.

В глаза бросился макет радиостудии. Допотопные микрофоны, пульта с металлическими тумблерами.

«Тихо, идѣт запись!»

Из динамиков приглушѣнно лилась старая военная песня. На стене справа были высечены четыре имени:

«Демьян Зорин, Илона Краузе, Александр Титов, Ярослав Бернштейн».

Да это же!..

На огромном экране плавно сменялись лица.

Обычные подростки. Демьян с Сашкой — старшие, Илона помладше, а Ярик и вовсе пацан.

«Ярьку брать не хотели, но он настоял: „Если что, пожалеют“», — вспомнился отрывок из найденных дневников. Кажется, это писала Илона.

Про подвиг Четырѣх Пионеров знал каждый. После захвата Тихореченска они забаррикадировались в радиостудии, обратившись затем родному городу: «Никто, кроме нас, товарищи!»

Их повесили. На центральной площади, в назидание остальным. Но фашистам это не помогло. Город взбунтовался, а следом, до самой Победы, запылал весь юго-запад Рубежья.

«А ты бы смогла? Как они?»

От неожиданной мысли стало тоскливо и немного стыдно.

— Настоящие патриоты, — отвечая на безмолвный вопрос, бросила она в телефон. — За страну боролись. Как мы с вами.

— Напрасно равняешь себя с ними, — заметил стоявший неподалѣку дед. Крепкий, с военной выправкой, но осунувшийся, лицо — бледное и худое. Рядом переминался пацан лет четырнадцати, настроженно глядящий из-под длинной чѣлки.

— Это почему? — Танька подбоченилась. — Фасадом не вышла?

Взрослых она не боялась. Боялись, скорее, её, даже когда она совсем ещё «соплюшкой» вступила в школьную ячейку «Державных».

— Знанием истории, — парировал дедушка. — Флажок на щеке намалевала и думаешь, что достаточно.

— А вы откуда знаете, что я думаю? — Заноза начала закипать. Она не любила, когда с ней ТАК. — Вы кто вообще такой?

Раньше Танька была другой: мягче, вежливее. Всѣ изменилось после «Южного ветра», когда силы КОРДОНа вошли в Пролив, а соседа дядю Акима мобилизовали. Мнения людей разделились, даже в семье были споры. Артѣм операцию не поддерживал, папа отмалчивался, а мама тихо плакала, посмотрев очередной выпуск новостей.

Тщась доказать правоту страны, Танька злилась и нередко ругалась с родными. Злилась, на деле, от беспомощности: ничего никому не докажешь, сверстники воткнулись в Сеть,

в колдырский Видеон. Но тут помогло несчастье: с войны вернулся потерявший ногу дядя Аким.

Он сильно изменился: запил, не спал по ночам, несколько раз срывался на жену. Однажды, собрав детей, та ушла, а дядю Акима еле вытащили из петли. Поняв, что должна помочь, Танька ринулась по инстанциям. Но что она могла сделать в свои неполные пятнадцать? Важные дяди и тётки даже не пускали на порог. Попробовала через «Державных», но с горечью поняла, что дальше красивых речей дело не идёт. А потом в школу нагрянул губернатор, надумавший обратиться к стоявшей в первом ряду девчонке с нарисованным на щеке державным флажком.

Танька пыталась сдержаться, честно. Но не смогла: вредная Заноза взяла верх, высказав под камеры всё. И про дядю Акима, и про чиновников, и про местное «державное» движение, которое только болтать гораздо.

Надоело ей молчать. И лебезить перед лоснящимися сволочами, ведущими себя так, словно нет никакой войны.

Скандал поднялся знатный: эфир, как на грех, шел прямой и вырезать ничего не успели. Танька уже готовилась к отчислению, как утекший в Видеон эфир растиражировали несколько известных блогеров. Пообещавших, что если правдорубку тронут, то об этом узнает Госпожа Президент.

Занозу не тронули, а дяде Акиму выписали протез, сиделку и бесплатного психолога. Позже примчался лидер «Державных» Глеб Беккер, долго извинявшийся за подчинённых и назначивший Таньку главой школьной ячейки.

Про отчисление уже не вспоминали, наоборот — собрав во дворе всю школу, директор благодарил Занозу за вклад в помощь ветеранам. И дядя Аким там был: пришёл в чистой выглаженной форме, с медалью. И смотрел так, что сердце ёкало от счастья.

Вот тогда она и поняла, что нечаянная известность — это шанс достучаться до людей. И, создав на Видеоне канал, стала быстро набирать популярность.

— Дед, пойдём, — забеспокоился очкарик. — Тебе волноваться нельзя.

— Погоди, — мягко, но решительно возразил старик. — Тут разговор серьёзный. Зовут меня, барышня, Андрей Дмитриевич, это мой внук Никита. Мы из Рубежья, из Тихореченска, приехали по новой столице погулять. А вас как звать-величать?

— Татьяна Генриховна Рёмер. — Танька подбоченилась. — Ученица школы 125 города Новогорска. Так я повторяю вопрос: откуда вы знаете, о чём я думаю? Вы провидец? Может, экстрасенс?

— Всего лишь бывший политрук Вооружённых сил Рабочих Республик, — выпрямившись, отрапортовал старик. — И повторюсь, что Четыре Пионера и вы — люди, так сказать, разного толка.

— А-а, так вы из этих, инженеров? — презрительно сморщила носик Танька. — Вы отстали от времени, уважаемый. Рабочих Республик давно нет.

Инженеры... «Инжиры», как их презрительно кличут. Строители нового общества без хозяев и рабов. Труд, прогресс, справедливость. Голубое знамя с факелом — свет знаний, мечта о мире.

Устроили революцию, свергли царя. Воевали за освобождение Византии.

Не щадя себя, шли до конца.

Но надорвались их Республики, рассыпались. Да и факел... давно погас.

— Я в курсе, благодарю. — не замечая хамского тона, кивнул Андрей Дмитриевич. — И хочу заметить, что, в отличие от вас, Четыре Пионера боролись не за страну, а за всех без исключения — унйцев, хазарцев и даже колонистов.

— Да мне до лампочки, ясно?

Таньку понесло. «Полезла базарная торговка», — говорила в таких случаях интеллигентная мама. Но сейчас повод был!

— Вы ж страну слить готовы ради дружбы народов! — она снова, как с женщиной, закусила удила. — Мало вас гоняли? Мало по почкам навешивали? Скоро Дальний отбивать пойдём, парням помочь надо, а вы!

— А мы хотим, чтобы девчонки не про войну думали, а на свидания бегали! — резко осадил дед. — Ты ведь, бестолочь малолетняя, за справедливость стоишь, потому к Пионерам и примазываешься. Только не примут они тебя в отряд.

— А страну защищать — это разве не справедливость?! — Танька упёрла руки в бока, готовясь к тяжёлой и затяжной конфронтации. — Да вы вообще...

— Что за шум, а драки нет?

Танька осеклась, сердито уставившись на вплывшего в зал мажора. Опять он! Следит за ней, что ли?

— Фёдоров, Кирилл Валерьевич, можно просто «Кирилл», — обворожительно улыбнувшись, кивнул старику парень. — Ба-а, это же Четыре Пионера! Дорогая, как меня видно? Давай вот здесь, рядом со студией.

— Ты кто такой? — неприязненно перебил дед.

— Я же говорю — Кирилл. — Мажор даже не оглянулся. — Дедушка, будьте любезны, у нас съёмка. Итак, мы в зале, посвящённом истории Четырёх Пионеров. Потрясающе, просто колоссально. Невиданный по нынешним временам героизм. С идеологией ребята заблуждались, но их подвиг будет вечно жить в наших...

— Ты Пионеров не трожь, глот. — Дед налился краской. — Не про тебя честь.

— Чего-о? — мажор удивлённо обернулся. — Дорогая, выключи, потом переснимем. Зачем, дедушка, ругаетесь? Музей — территория общественная. Имею полное право.

— «Право», — едко передразнил старик. — Право-то вы имеете. Кровососы.

— У-у, — криво усмехнувшись, мажор переглянулся с девицей. — Тяжёлый случай. Вы, дедушка, сильно-то не пылите. А отец мой, Валерий Осипович, для страны сделал больше, чем все пионеры вместе взятые.

— Что же он такое сделал? — Старик расхотел всё больше. — Завод за бесценнок отхватил? Рабочих разогнал, зарплаты урезал? Мы газеты читаем. В курсе.

Дед попал в точку: папа едва тогда удержался. Пахал как проклятый, чтобы семью прокормить. И до сих пор пашет.

«А этот? — пронеслось вдруг в голове. — Он вообще когда-нибудь работал? Да у него часы стоят, как наша квартира!»

Чушь, зависть. Нельзя так!

— Вы правы, отец действительно купил в Новогорске завод. — По лицу мажора пробежала тень раздражения. — К сожалению, не обошлось без оптимизации. Но это рынок. Ничего личного.

«Оптимизация», «ничего личного». Равнодушный тон больно резанул слух.

Будто мусор выкинул, а не проработавших всю жизнь на заводе людей.

Людей!

Пожилых, беспомощных, отчаявшихся. Умиравших и спивающихся.

Униженно принимающих от Таньки пакеты с продуктами.

Профсоюз пытался организовать забастовку, но не вышло: кого-то посадили, кого-то... просто не нашли. Шептались, что это Фёдоров, но Танька не верила.

Не станет патриот со своими — вот так.

Не может!

— Сволочь ты. — Андрей Дмитриевич смерил мажора взглядом. — Легко про рынок рассуждать, когда страна в кармане. Тебя бы самого на тот завод. Порассуждал бы!

— Дед, зачем ругаться? — Выдохнув, мажор взял себя в руки. — Не мы же с отцом твои Республики развалили.

— А войну тоже не вы развязали? — процедил старик. — За месторождения, за порты? Головы детям не вы дурите? «Патриоты», «одна страна». А у самих по десять паспортов, чтобы, если что, первым рейсом на Зелёное море.

— Ну что вы несёте, любезный? — Мажор пренебрежительно скривился — Какие десять паспортов?

Танька тоже возмутилась. Фридрих и Юра сражались за родину. При чём тут трубопроводы?

Она открыла рот, чтобы вмешаться, как вдруг в динамиках резко щёлкнуло и музыка оборвалась.

— Ты всё понял, Кирюша?

Голос Валерия Фёдорова был хриплым, спокойным, уверенным. Голос человека, привыкшего повелевать. Голос хозяина жизни.

— Пап, ну правда — зачем этот цирк? Музей, «историческая память»? Я же не политик.

Кирилл отвечал напряжённо, без привычной лёгкости. Отца он явно побаивался.

Скрипнуло кресло. Щёлкнула зажигалка.

— Придётся поменять планы. Рубежье с Проливом хорошо, но мало. Нам нужен Дальний, там литий, нефть, логистика на запад. Будем брать.

— Но там же Эгида!

— И что? — В голосе Фёдорова-старшего сквозила усмешка. — Это не их поляна, а наша. Конкретно, моя и твоя.

— Воевать?! — Кирилл явно взволновался.

— Успокойся, никто за твой Дальний не впишется. А после — мы не лезем к ним, они не лезут к нам. Договоримся.

— А я то здесь при чём?

В динамиках зашуршала бумага, что-то брякнуло.

— Молодёжь, Кирюша, должна нас поддержать. Беккера скovyрнём, я ему не доверяю. На «Державных» поставим тебя. А позже и «Соратников» подгребём.

— Но как? Я же не умею!

— Чего там уметь? — отрезал Фёдоров-старший. — История, вера, защита родной земли. Пионеры, опять же, особая роль страны. Не волнуйся, речи тебе напишут. И будешь толкать — со слезой, с огоньком.

— А если всё же?.. — нервно уточнил Кирилл. — Что тогда?

— Отсидимся у Зелёного, — спокойно пояснил Фёдоров-старший. — Бомбить не будут, с той стороны оговорено. Они и сами, если что, туда слетятся. С шампанским и любовницами.

— Я не знаю, пап... — в голосе Кирилла прорезались незнакомые нотки. — Некрасиво как-то. И пачкаться неохота.

— Что ж, объясню по-другому. — В голосе олигарха лязгнул металл. — В мире зреет драка, холопам пустят кровь. Нужно удержать их в стойле, иначе... Яхты твои, тачки, девицы — инженеры отнимут всё. И хорошо ещё, если не вздёрнут.

Кирилл молчал.

— Впрочем, если мучит совесть, — вальяжно добавил Фёдоров, — можешь стать одним из них. Честно трудиться, жить скромно и по средствам. Хочешь?

— Нет, — после долгой паузы хрипло ответил мажор. — Не хочу. Я сделаю всё, что скажешь.

Щелчок. Запись оборвалась.

Сжав зубы, Кирилл медленно провёл ладонью по лбу.

— Вам никто не поверит. Это фейк!

Танька судорожно втянула воздух. Голова кружилась, в висках стучало.

Фридрих, женщина. Дядя Аким. Неужели всё зря?

Внезапно мажор заметил, что Танькин телефон продолжает записывать.

— Быстро стёрла, дура! — его лицо перекосилось. — Если выложишь... Тебя в порошок, ясно? «В порошок».

«Дура».

«Страна одна, страна родная».

Таньку словно хлестнули. По лицу, наотмашь. С оттяжкой.

Плевать им на неё. И на папу, и на завод. И на всю Державу.

Стало противно. Мерзко. И вспомнился офицер Инициативы, свысока глядящий на измученного пленника.

Как на животное.

Как на добычу.

— Мразь, — лицо деда перекосилось, он сжал кулаки. — А ну, иди сюда!

— Спокойно, спокойно! — побледнев, мажор отскочил к выходу. — Только тронь, дедуля! Засужу и посажу!

Схватив за руку девицу, он вылетел из зала. Под потолком, как ни в чём не бывало, вновь заиграла музыка.

— Кто это мог?.. — поморщившись, дед сжал пальцами грудь. — Самого Фёдорова!

Достав из кармана пузырёк, он положил под язык таблетку.

Танька отстранённо наблюдала за ним, словно через мутное стекло. В висках заломило, мир, мутнея, поплыл.

На мгновение показалось, что она раздваивается. Словно две Таньки стояли сейчас лицом к лицу. Разных, но похожих. И всё же очень разных.

— Предательница, — с ненавистью сказала вторая Танька. — Мирила. Инжирка чумазая.

Стало гадко, словно смотришь в кривое зеркало. Неужели она была такой?
— А ты — просто дым, пустое место. И не жалко тебе никого!
Скривив рот, злая Танька отвернулась. Видение померкло, виски отпустило.
И только теперь нахлынуло осознание.

Как вышла из музея, она не помнила. Еле сдерживаясь, добрела до стоящей поодаль скамейки.

Мажор был прав: какая же она дура!

«Патриотка», «державница».

«Холопка».

Снова вспомнилась женщина. Смывая с щеки флажок, градом хлынули слёзы.

Как Танька могла? Как?!

«В Юру вашего плюёте». А теперь?

За что погиб Юра? За порт? Железную дорогу? Литий?

От горьких мыслей она окончательно разрыдалась. Как теперь жить? Как смотреть людям в глаза?

Во что и кому верить?

— Мария Сергеевна Грошева.

Дёрнувшись, Танька отняла от лица руки. Рядом, небрежно закинув ногу на ногу сидел Незнакомец.

— Что?

— Мария Сергеевна Грошева, — повторил Незнакомец. — Мать Юры. Новогорск, улица Металлургов, 8, квартира 43. Что смотришь, записывай. И обязательно навести.

— А вы...

— Как голова? — перебил Незнакомец. — Не болит? Не кружится? Чувство раздвоенности прошло?

— Прошло! — Танька начинала злиться. — Да кто вы такой?

— Сейчас важнее, кто ты такая. И с кем тебе отныне по пути.

— Мне?

— Тебе, Татьяна Генриховна Рёмер, ученица школы 125 города Новогорска, — отчеканил Незнакомец. — Что ты решила?

— Не понимаю...

— Понимаешь, — Незнакомец многозначительно поднял палец. — Твой выбор прост: Пионеры или фёдоровы. Другой дороги нет.

— А если?..

— Без «если», — мужчина прищурился. — Вопрос серьёзный.

— Вы хотите, чтобы я...

— Озаботилась настоящей справедливостью, — кивнул Незнакомец. — Как Пионеры.

— И что изменится? — Танька уже ничего не понимала.

— Изменится.

— Но как...

— Дядю Максима помнишь? — уточнил Незнакомец. — Из бывшего профсоюза на папином заводе?

— Дядя Максим? Так он же...

— Инженер, — кивнул загадочный собеседник. — Во всех смыслах. И дорога твоя лежит к нему. Иначе фёдоровы и война.

— Война?

— Мировая, — сурово подтвердил Незнакомец. — Всех со всеми. А начнётся всё с Дальнего Края.

— Откуда вы...

— Не могу сказать, — Незнакомец покачал головой. — Прости.

Таньке стало страшно. Похоже, он не врёт. И на шутника непохож от слова «совсем».

— Но я же одна, шансов никаких, — вяло возразила она. — Меня размажут, скажут, что страну предала.

«Когда скользишь по краю бездны,

Сопротивление — полезно.

И если вниз летишь отвесно,

Сопротивление — полезно.

Сопротивление — полезно.

Сопротивление — полезно.

И если шансы неизвестны,

И если шансов нет, железно,

Запомни, здесь и повсеместно:

Сопротивление — полезно.

Сопротивление — полезно.

В тылу врага, где жгут, где вяжут,

Где „есть ли смысл, давай уж честно“?

Найдется кто-нибудь, кто скажет:

„Сопротивление — полезно“.

Сопротивление — полезно.

На плац, под ледяные струи,

Когда в печах от пепла тесно,

Один шагнет, и смерть спасует:

Сопротивление — полезно.

Сопротивление — полезно.

В цеху холодном, в старой школе,

В бюро конструкторском, в землянке

В лесу горящем, в снежном поле

В плену пожизненном у янки...

Надежда не умрет последней.

Последней умирает вера.

В тех, кто во тьме передрасветной

*Давал нам мужества примеры».*¹

— Шансы есть всегда, — закончив декламировать, медленно произнёс Незнакомец. — И да, будет нелегко. Подписчики уйдут, тебя оболъют грязью и заклеят «предательницей». Но ты проявишь упорство, и люди вернуться. Потому что нутром почуют, что ты говоришь правду. Которая им необходима.

Это правда, что необходима. Дед ведь дело говорил, да кто его услышит. А её услышат. Даже если не сразу.

На ум пришли Четыре Пионера: их лица, их смелость, их подвиг. Они не ждали спасения и чьих-то обещаний. И знали наверняка лишь одно: что погибнут.

— Впрочем, я не заставляю, — вкрадчиво прервал размышления Незнакомец. — Ты вправе отказаться.

Отказаться? Когда впереди война, когда видела на экране Артёма? Отказаться, как отказался от остатков совести Кирилл?

— Я не откажусь. Я сделаю, обещаю!

— Молодец, — с лёгкой улыбкой кивнул Незнакомец. — А теперь слушай внимательно. К тебе сейчас подойдут во-он те ребята, — он указал на бегущих ко входу в музей группу военных. — Не бойся, веди себя спокойно. Они не враги, просто всего не знают.

— Но я...

— Не думай ни о чём и сосредоточься на главном. — Он легонько ткнул Таньку в плечо. — А вопросы оставь. Ответов не будет.

Замерев, идущий во главе колонны офицер свернул прямёхонько к скамейке. Прямо перед собой он держал смартфон.

Танька съёжилась:

— А если они...

Ей не ответили. Скамейка была пуста.

— Здравствуйте, девушка, — козырнул, подходя, офицер. — Майор Герхард, Корпус быстрого реагирования. Документики можно?

Приняв пластиковую карту, он провёл над ней смартфоном, напряжённо вглядываясь в экран.

— Татьяна Рёмер, несовершеннолетняя. Почему не в школе?

— Я... у меня разрешение.

Порывшись в сумочке, она предъявила подписанную директором бумагу.

— Где вы были последние два часа? — резко спросил майор. Холодные голубые глаза внимательно изучали Занозу.

¹ Константин Сёмин, <https://www.youtube.com/watch?v=ko2ppjERVEs> [«Сопротивление полезно»]

— В музее, — помня наказ Незнакомца, Танька захлопала ресницами. Получилось вроде неплохо.

Майор не ответил. Взяв удостоверение, снова провёл над ним смартфоном. Бросил быстрый цепкий взгляд. Так, что по спине пробежал холодок.

Смартфон пикнул, на экранчике что-то промелькнуло. Кивнув, майор вернул документы.

— Не задерживайтесь, скоро начнёт темнеть, — козырнул он. — Всего доброго, Татьяна Генриховна.

Топая берцами, военные устремились к музею. Проводив их взглядом, Танька подняла с тротуара тёплый камешек, задумчиво подбрасывая его в руке.

Что это было?

Кто это был?

Налетевший ветерок ласково пошевелил волосы. Встрепенувшись, Танька метнула камешек в кусты.

Она не подведёт.

Не имеет права!

«Ответов не будет». А нужны ли они?

Если рядом, плечом к плечу, стоят теперь Четыре Пионера?

Если знаешь, что делать?

Если слышишь сквозь время пламенный бессмертный призыв?

«Никто, кроме нас, товарищи!»

Никто.

Кроме нас.

— Я изучил ваш отчёт. Полагаете, она справится?

— Уверен.

— Но гибель её ветки всё ещё вероятна.

— Мы работаем над этим. В конце концов, это наш долг.

— И приказ «сверху».

— Не без этого.

Пауза.

— Она всего лишь ребёнок. Девчонка. Вы взвалили на неё огромную ответственность.

— Она не просто девчонка. Она из тех, кто может и готов бороться.

— Даже если борьба напрасна?

— Борьба за справедливость не бывает напрасной.

— И всё же вы пошли на огромный риск. Их встреча, эта запись...

— ...будет списана на выходку неизвестных хулиганов.

— Да, но подобного разговора не было!

— Конкретно этого — нет. Зато были другие. Со схожим смыслом.

— А о здоровье девочки вы подумали? Этот трюк с фотографией... Она была в шаге от квантования!

— Флакс не превысил критического порога.

— «Не превысил»! А если бы превысил? Вам напомнить, что такое локальный каскад?

— Пришлось рискнуть, чтобы объяснить доходчиво. Уж больно упряма.

Пауза.

— Что ж, этические нормы, пусть с натяжкой, соблюдены. Ваши дальнейшие действия?

— По Рёмер пока всё. Работаем по треку Никиты Наумова.

— Добро. И постарайтесь в этот раз поаккуратнее.

— Лучше не можем, хуже не умеем.

— Хотелось бы верить. Вы свободны.